

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ВОПРОСЫ МЕДИЕВИСТИКИ

Учредитель: *Институт славяноведения
Российской академии наук*

*Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия*

*Свидетельство ПИ № ФС 77-27797
от 12 апреля 2007 г.*

Редакционная коллегия:

*В. П. Аникин (д.ф.н., проф.),
М. Гардзанити (д.ф., проф.),
А. А. Гиппиус (д.ф.н., чл.-корр. РАН),
А. А. Горский (д.и.н., проф.),
В. П. Гребенюк (д.ф.н., проф.),
И. Г. Добродомов (д.ф.н., проф.),
А. М. Камчатнов (д.ф.н., проф.),
В. М. Кириллин (д.ф.н., проф.),
Е. Л. Конявская (д.ф.н., гл. редактор),
С. В. Конявская (к.ф.н., доцент),
Н. Ф. Котляр (д.и.н., проф., чл.-корр. НАН
Украины),
И. А. Кочетков (к. иск.),
О. Ф. Кудрявцев (д.и.н., проф.),
Ю. А. Лабынцев (д.ф.н., проф.),
П. В. Лукин (к.и.н.),
К. А. Максимович (д.ф.н.),
В. В. Мильков (д. филос.н.),
А. В. Назаренко (д.и.н.),
А. Е. Петров (к.и.н.),
М. Л. Ремнева (д.ф.н., проф.),
П. С. Стефанович (д.и.н., проф.),
А. А. Турилов (к.и.н.),
игумен Тихон (Полянский) (к.филос.н.),
С. Э. Чернов (д.и.н.),
Б. Н. Флоря (д.и.н., проф., чл.-корр. РАН),
М. С. Фомина (к.ф.н.),
С. М. Шамин (к.и.н.),
Л. Штайндорф (д.и., проф.),
Е. М. Юхименко (д.ф.н.),
В. Л. Янин (д.и.н., проф., ак. РАН)*

Верстка: И. С. Агафонов

Выпускающий редактор: С. В. Конявская

Технический редактор: О. С. Глухова

Корректоры: А. В. Духанина, Л. В. Николаева

www.drevnyaya.ru

этих текстов с С1 видно, что в СС читаются исключительно те известия С1, которые совпадают с МАк и ЛР. Единственное сходство между всеми 4 источниками составляют известия, совпадающие с Троицкой летописью (далее – Тр). Но это не результат сокращения в СС текста С1, как полагали раньше. В самой МАк и ЛР имеются известия, изначально сходные с Тр, что объясняется давней взаимосвязью владимирского летописания и ростовского.

Начиная с 1305 г. (известия о событиях в Нижнем Новгороде) СС переходит на другой источник: Суздальский княжеский свод, а в МАк и ЛР продолжается Ростовский. Здесь на ряде известий начала XIV в. можно проследить, как в С1 совмещаются теперь уже ростовский и суздальский источники с Тр и тверским летописанием. Эта линия прослеживается до начала 70-х годов XIV в.

Таким образом, сходство СС с С1 обусловлено не сокращением Общерусского свода XV в., а использованием на значительном отрезке двух его источников: Ростовского свода (до начала XIV в.) и Суздальско-Нижегородского за XIV в.

С. М. Михеев (Исл РАН)

КАКИЕ ТИПЫ КНЯЖЕСКИХ ЗНАКОВ БЫЛИ У ЧЕРНИГОВСКИХ, СМОЛЕНСКИХ И СУЗДАЛЬСКИХ РЮРИКОВИЧЕЙ?

В 2010 г. Ф. А. Андрощуком была опубликована миниатюрная свинцовая печать с тамгой в виде буквы Ц с крестом на левой вертикали на одной стороне и надписью *Сѣо|шина |печа|ть* — на другой. Печать происходит из окрестностей Чернигова, вероятно, из грабительских раскопок¹. Данная находка позволяет точно определить внешний вид тамги Святослава (Святоши) Давыдовича, наиболее известного тем, что в 1107 г. он принял постриг в Киево-Печерском монастыре². Этот князь был внуком Святослава Ярославича, основателя черниговской ветви Рюриковичей. Святоша упоминается в летописи с 1097 по 1142 г.

Простой облик знака Святоши разительно отличается от изощренного контура тамги его прадеда Ярослава — рогатого трезубца, дополненного кругом на зубце (на среднем вертикальном элементе). Можно с уверенностью утверждать, что решительное упрощение основы рисунка княжеских знаков произошло уже в XI в., так как Святослав Давыдович должен был получить свой знак до конца XI в. Следовательно, княжеские знаки упрощенного контура, осложненные минимальным количеством дополнительных элементов (отрогов, перекрестий, ответвлений), должны быть знаками князей второй половины XI — первой половины XII в., а разветвленные тамги с пятью-шестью дополнительными элементами — знаками князей конца XII — начала XIII в.

Этот вывод заставляет снова вернуться к проблеме атрибуции колоколовидного знака Ростислава на камне из раскопок Е. Н. Торшина в Смоленске, подробнее о котором шла речь в статье [Михеев, с. 48–49]. Раз упрощение знаков произошло так рано, в поколении сыновей или внуков Ярослава Владимировича, то знак Ростислава, содержащий три дополнительных элемента (отрог-завиток на левой ветви, завиток на конце правой ветви и завиток на ножке), должен быть признан знаком смоленского, новгородского и киевского князя Ростислава Мстиславича, умершего в 1167 г., а не знаком его внуков Ростислава Мстиславича или Ростислава Рюриковича, как предполагалось ранее.

Обратимся теперь к новгородским печатям с изображениями княжеских знаков.

С 1136 по 1252 г. на новгородском столе побывало 13 представителей суздальских Мономашичей (Юрьевичей), находившихся в этой должности в совокупности более 50 лет, и десять представителей смоленских Мономашичей (Ростиславичей), княживших в совокупности несколько дольше 25 лет. При этом важной границей является 1221 г., до которого новгородцы приглашали к себе князей из обеих ветвей Мономашичей, а после него представители смоленской ветви уже не занимали новгородский стол, который «узурпировали» Юрьевичи, изредка перемежавшиеся (как и ранее) черниговскими князьями.

К 1998 г. в Новгороде и его округе было найдено: 42 экземпляра печатей с 10 разными Ц-образными княжескими знаками с отогнутыми краями (почти все — с большим количеством ответвлений); 16 экземпляров печатей с пятью видами колоколовидных тамг (а также три печати с тремя разными колоколовидными знаками с дополнительным центральным зубцом); несколько печатей с тамгами других типов.

Простое сопоставление приведенных данных позволяет сделать вывод, что Ц-образные знаки с отогнутыми краями использовались суздальскими, а колоколовидные — смоленскими Мономашичами, что согласуется с предложенной выше идентификацией колоколовидной тамги Ростиславу Мстиславичу.

Из печатей с Ц-образными знаками с отогнутыми краями наиболее часто в Новгороде встречаются две печати: № 292 с очень усложненным Ц-образным знаком (16 экземпляров) и № 290 (8 экземпляров), знак на которой отличается от знака на печати № 292 отсутствием одного небольшого отрога [Янин, с. 132–146, 217–221, 273–275, 315–318; Янин, Гайдуков, с. 56–57, 149–152, 272–273, 363–367]. Экземпляр № 292–7 происходит с Неревского раскопа, из слоя, датированного по дендрохронологии 1224–1268 г. [Янин, с. 218]. Судя по всему, данную тамгу следует атрибутировать Александру Ярославичу, который княжил в Новгороде рекордные полтора десятилетия (1236–1240

¹ Хранится в частном Музее Шереметьевых в Киеве, инв. № VP-721. См. публикации: [Андрощук; Алфёров, с. 32, 64–65, № 22], а также в каталоге: 1000 років української печатки: Каталог виставки: 24 травня – 15 листопада 2013 р. Київ, 2013. С. 64, 66 (автор описания – А. А. Алфёров).

² А. А. Алфёров без объяснения причин атрибутировал данную печать Святославу Ольговичу, двоюродному брату Святоши.

и 1241–1252 г.), а чуть более простую тамгу с печати № 290 — его отцу, Ярославу Всеволодовичу, княжившему там около 12 лет.

В докладе также пойдет речь о географическом распределении по территории Руси находок с княжескими знаками, включая печати.

Литература

Алфьоров О. Молівдовули київських князів другої половини XI — кінця XII століття (за матеріалами сфрагістичної колекції О. Шереметьєва) // Сфрагістичний щорічник. Київ, 2012. Вип. II. С. 5–74.

Андрощук Ф. «Святошина печать» // Ruthenica. Київ, 2010. Т. IX. С. 131–136.

Михеев С. М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 45–63.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I: Печати X — начала XIII в. М., 1970.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998.

Г. А. Мольков (ИЛИ РАН)

РЕФЛЕКСЫ ЮСОВОЙ ОРФОГРАФИИ В ПОГОДИНСКОМ ЕВАНГЕЛИИ (по рукописи РНБ. Погод. 11)¹

До настоящего времени список евангелия из собрания Погодина (Погод. 11) в незначительной степени привлекал внимание лингвистов. По причине слабой изученности языка памятника в существующих рукописных каталогах наблюдается неопределенность с его датировкой. Рукопись относится к XII–XIII в., несмотря на то что Н. Н. Дурново предполагал ее создание в начале XII в. [Дурново, с. 59]. Погодинское евангелие демонстрирует ряд архаичных языковых черт, объединяющих его с древнерусскими памятниками письменности XI в., в том числе в области орфографии.

Обращавшийся к Погодинскому евангелию Г. А. Воскресенский отмечал, что «извод или оригинал этой рукописи древний южнославянский, юсовый» [Воскресенский, с. 28]. При редком использовании в рукописи юса большого о юсовом «оригинале» памятника позволяет судить система написания в нем букв оу, ю. В обоих почерках ПЕ встречается такое явление, как использование буквы ю вместо оу и оу вместо ю. Эта графическая особенность хорошо известна в древних славянских письменных памятниках [Кривко, с. 346–347], однако в большинстве рукописей она проявляется спорадически. В Погодинском евангелии написание ю вместо оу и оу вместо ю представлено очень широко — в 315 примерах, что дает показательный материал для уточнения особенностей и хронологии бытования в древнерусской письменности гиперкорректной графической системы, связанной с реакцией на немаркированное употребление ж.

Использование буквы оу вместо ю в Погод. 11 наблюдается после парных мягких согласных в 113 примерах, из них только в 22 примерах — не на месте этимологического и носового. Для слогов [r'u], [n'u] характерно преимущественное написание (более ¾ всех примеров) в виде роу, ноу, соу. По этой причине написания рю, ню, сю (с эффектом ю вместо оу) в Погод. 11 в большинстве случаев передают слоги [ru], [nu], [su]. Такая обратная стандартной орфография могла возникнуть вследствие того, что в юсовом антиграфе рю, ню, сю (с этимологическим 'и) почти не встречались.

Употребление ю вместо оу отмечено в 202 примерах, 83 из которых — не на месте этимологического и носового. Анализ 83 примеров появления ю в позиции этимологического и показывает, что они могут быть обусловлены неэтимологическим написанием ж в антиграфе Погодинского евангелия, то есть антиграф рукописи был древнерусским. В нем встречались неэтимологические написания юса большого в определенных морфемах, хотя этимологическое употребление ж все же преобладало. Стремление писцов Погодинского евангелия передать на письме эту особенность антиграфа свидетельствует в пользу ранней датировки рукописи.

Среди примеров с ю вместо оу преобладают написания после согласных, парных по твердости/мягкости (156 из 202). Преобладание нестандартного употребления оу и ю после л, н, р и с в Погодинском евангелии показывает, что в формировании подобной орфографии участвовали два фактора: немаркированное употребление (после твердых и мягких согласных) буквы ж в антиграфе рукописи, а также предполагавшаяся еще Н. Н. Дурново аналогия со стороны орфографии слогов с постоянно мягкими согласными.

Литература

Воскресенский Г. А. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей евангелия XI–XVI вв. М., 1894.

Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.

Кривко Р. Н. Функции буквы у в древних славянских рукописях (Преимущественно на материале Бычковско-Синайской псалтири) // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28 (3). P. 317–359.

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РФГНФ научного проекта № 13–34–01009.